

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Научная статья
УДК 398.3(59+599)
doi: 10.17223/2312461X/45/1

Питон и прочие змеи в традиционной культуре и повествовательном фольклоре филиппинцев и их соседей

Мария Владимировна Станюкович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, mstan@kunstkamera.ru*

Аннотация. Исследователи островной Юго-Восточной Азии (Нусантары) долгое время не столько занимались ее собственными образами и представлениями, сколько прослеживали индийские и китайские влияния, особенности их преломления в австронезийской культуре. Данная статья посвящена проблеме вычленения австронезийских представлений о змее под напластованиями культурных заимствований. Исследование проведено на материале Филиппин, наименее индианизированной части ареала, на основе лингвистических, этнографических, фольклорных данных. Факты, собранные автором в экспедициях к коренным горским, равнинным и прибрежным народам архипелага, сопоставлены с данными ранних испанских источников и более поздних публикаций по антропологии, этнографии и фольклору архипелага. Проводятся параллели с культурой других частей Юго-Восточной Азии.

Последовательно рассмотрены повседневные взаимоотношения между людьми и змеями у охотников-собирателей, земледельцев и прибрежных рыбаков, функции змеи как оберега в материальной культуре, телесных модификациях, в народной медицине. Анализируются представления о функциях змеи в традиционных шаманских анимистических практиках, в ритуалах, о разнообразных видах взаимодействия живых и мертвых, предков и потомков, включая нарративы о змеях-близнецах. Очерчен спектр функций и ролей змеи (питона) в мифах и эпических сказаниях народов Филиппин. Филиппинская мифологическая змея – прежде всего питон, которого Р. Бласт на материалах исторической лингвистики назвал «прототипической змеей австронезийцев». Представляется, что задушевывание роли питона *sawi* в Юго-Восточной Азии связано именно с индианизацией, в ходе которой «местного» питона потеснила «пришлая» кобра – сначала в народных представлениях, а впоследствии – в интерпретациях исследователей, зачарованных ее санскритским именем *naga*.

Ключевые слова: питон, змея, мифология Филиппин, отношения человек–животные, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Станюкович М.В. Питон и прочие змеи в традиционной культуре и повествовательном фольклоре филиппинцев и их соседей // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 6–29. doi: 10.17223/2312461X/45/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/1

The python and other snakes in traditional culture and oral literature of the Filipinos and their neighbors

Maria V. Stanyukovich

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russia, mstan@kunstkamera.ru*

Abstract. For a long time, studies on Insular Southeast Asia concentrated not so much on indigenous Austronesian mythology as on Indian and Chinese influences and the ways of their adaptation. The purpose of the present paper is to define ‘snake concepts’ on the basis of mythology of the Philippines, the least Indianized part of the area. Present-day ethnographic facts are compared with those from early Spanish records and epic texts of the indigenous groups recorded in the 20th and 21st centuries. The data collected by the author during fieldwork since 1990s till present among the indigenous highland groups and coastal communities of the archipelago are juxtaposed to the data from the early Spanish records and later publications on the anthropology, ethnography and linguistics. Corresponding materials from other parts of Southeast Asia are added.

The paper concentrates on everyday human-animal (snake) interactions among the hunter-gatherers, agriculturalists, coastal fishing communities; it treats about snake symbolism in material culture, body modifications, traditional folk medicine, as well as on the predominant ideas on the functions of a snake (python) in shamanistic practices, rituals and beliefs. Concepts of interaction between the living and the dead, offsprings and ancestors, including the snake-twin narratives, are of special interest. The paper gives a brief overview of the roles ascribed to python in Philippine mythology and oral epics. The Philippine mythological snake is predominantly a python, an ‘Austronesian prototypical snake’, as R. Blust described it on the basis of historical linguistics. We suggest that the local *sawa*, the python, was overshadowed in the course of Indianization of Southeast Asia by *naga* the cobra, especially in the eyes of the researchers, charmed by its Sanskrit name.

Keywords: python, snake, Philippine mythology, human-animal relationships, Southeast Asia

For citation: Stanyukovich, M.V. (2024) The python and other snakes in traditional culture and oral literature of the Filipinos and their neighbors. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 6–29. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/1

Введение

Статья продолжает серию публикаций о роли растений и животных в фольклоре, верованиях и ритуалах народов Филиппин и в сопредельных австронезийских культурах¹.

Змея – один из сложнейших и древнейших образов мировой мифологии. Едва ли найдется мифологическая система, в которой змея не располагалась бы у корней мирового древа, либо не вилась бы вокруг земной оси, вызывая своим движением землетрясения, либо (в собственно

змеином виде или в виде родственных хтонических существ – угря, черепахи) не служила бы основанием, на котором покоится земля; в одних частях света встречается змея-радуга, в других – поглотительница светил, либо первопредок (первые люди выходят из яйца змеи), основатель царских и императорских династий (часто в виде дракона), воплощение покойного предка; змея выступает как посредник между людьми и духами, символ знания, мудрости, бессмертия, источник плодородия человека, животных и растений. Сказки, мифы, эпические сказания, былички изобилуют повествованиями о героях-змеях, полужмеях-полулюдях, змеиных оборотнях. Как охотники-собиратели, коренные народы, так и жители мегаполисов западных постиндустриальных стран считают кожу, кровь, плоть, зубы, кости, внутренние органы змей мощнейшими магическими средствами и оберегами.

Вся Юго-Восточная Азия (ЮВА) долгое время рассматривалась как культурная периферия. Ее систематическое изучение началось позже, чем исследование Индии и Китая, она уступает этим центрам глубиной письменных источников, общим объемом материалов. Древнейшие письменные тексты на австронезийских языках записаны уже после индианизации. Самые старые из них – древнеяванские (IX–XIV вв.); в них отмечается преобладание санскритских корней, «появление особого письменного языка, лексика которого была преимущественно индийской, а грамматика оставалась индонезийской» (Теселкин 1963: 9). Исследователи ЮВА изначально занимались главным образом прослеживанием путей распространения здесь индийских и китайских влияний. Более ранние представления, в частности о змеях, изучены очень слабо.

Разумеется, даже в фольклоре Филиппин – самой удаленной от континента части ЮВА – есть индийские заимствования (Francisco 1971; Churchill 1977; Orlina 2012 (2013)). Они пришли сюда, предположительно, в X–XIV вв., причем не в результате прямых контактов с Индией, а через посредство государств, располагавшихся на территории нынешних Индонезии и Малайзии (Scott 1994; Josano 2001), индианизация которых началась много раньше и была более глубокой. Нас, однако, интересуют ранние представления о змеях и змееподобных существах, распространенные в Нусантаре (островной, австронезийской части ЮВА) до ее индианизации. Австронезийское наследие составляет их позднейший слой.

Культура ЮВА сложилась как синтез культур древнейших насельников региона, потомками которых являются современные аэты (негриито) Филиппин, оранг асли, папуасы Новой Гвинеи, андамандцы, и появившихся здесь позже австроазиатов и австронезийцев; последние на протяжении истории неуклонно вытесняли языки и культуру автохтонов и сама подвергалась внешним влияниям.

Чтобы с уверенностью говорить о происхождении того или иного мотива/сюжета, нужно обладать огромным массивом данных. В синологии

он есть, что дало возможность А.Б. Старостиной, например, соотнести определенный пласт сюжетов о змеях-оборотнях в Китае с фольклором Ирана и Западной Европы (Старостина 2023). Чтобы ответственно делать подобные выводы об австронезийских культурах ЮВА, надо провести инвентаризацию того, что известно в ранних источниках и что осталось в наиболее труднодоступных местах. Какую роль в культурах первоначальников ЮВА и пришедших позднее австронезийцев играли змеи до периода индианизации, можно будет определить только в результате долгих исследований – и то лишь предположительно. Данная статья – шаг на пути в этом направлении.

Горцы ЮВА

Жителей горных или лесных анклавов, сохраняющих либо сохранявших до недавнего времени традиционный образ жизни, материальную культуру и анимистические шаманские представления, принято сегодня называть коренными народами (*indigenous peoples*, *IPs*). В российской номенклатуре, как государственной, так и научной, на смену дореволюционным терминам – собственным («ясачные») и калькированным с европейских языков («инородцы», «иноверцы», «туземцы»), терминам советского времени – «нацмен» (национальные меньшинства), позже «малые народы» – пришло название «коренные малочисленные народы» (КМН). Термин “tribal”, «племенные», прежде широко использовавшийся в западной науке, из нее ушел, однако во многих странах Азии сохраняется на всех уровнях: в названиях государственных органов (даже на американизированных Филиппинах) и в антропологической литературе (например, в Индии). Термин «горные» используется везде, в Индокитае он является основным – например, в Камбодже «горными кхмерами» называют небольшие этнические группы самого разного происхождения – бахнарические и катуические народы, австронезийцев-джараев, вне зависимости от того, живут ли они в горах, в предгорьях или на равнинах.

По каким же принципам выделяют эти народы в странах Юга Азии? Два основных критерия – образ жизни и верования, причем главный – несоответствие той религии, которую исповедует большинство населения. Анимисты-шаманисты считаются «коренными» и в мусульманской Индонезии, и в Индии (индуизм), и в Индокитае (буддизм), и на католических Филиппинах; тот факт, что большинство анимистов сегодня обращено (в основном номинально) в протестантизм, их положения не меняет. Однако на Филиппинах к числу “tribal”/“indigenous” относят и мусульман с тех пор, как Филиппинская комиссия США (нового колонизатора, сменившего Испанию) в 1901 г. учредила Бюро нехристианских племен.

Для Филиппин, как и для всей островной ЮВА, термин «коренной» – совершенно условное название, поскольку здесь практически все горцы,

равно как и большие этносы равнин, по происхождению австронезийцы, потомки одной и той же небольшой группы переселенцев с Тайваня². Коренными в прямом смысле слова никто из них считаться не может, поскольку они заселяли островные территории, где до них уже жили автохтоны – охотники-собиратели аэта – «негрито» Филиппин. Общая численность аэта – около 15 тыс., в то время как численность коренных народов архипелага – около 11 млн чел.

Змеиная терминология в австронезийских языках

Языки первоначальников региона утрачены: оранг асли говорят на австроазиатских языках, филиппинские аэта – на австронезийских.

Древнейший слой реконструированной протоавстронезийской лексики (PAN) содержит только одну протоформу для общего понятия «змея» – **SulaR*. Ее рефлексы обнаруживаются на Тайване (**soLaʔa* – прото-рукай), от севера до юга Филиппин (*ulag*, *ulal* думат, ифугао, тагабили; *olal* ибалой; *ʔulay* хануноо; *ʔurar* тирурай; *ulal* тболи), в Индонезии и Малайзии (*ular* малайск., *ula* яванск. и мн. др.), в австронезийских языках Индокитая (*ula* тямский, северный роглай; *ala* тямский, джарай). Рефлексы протомалайо-полинезийского (РМР) **nipau* распространены от южных Филиппин (*nipai* маранао) до Северной Суматры, Индонезия (*nipe* каро батакский), как и рефлексы протоформы протозападномалайско-полинезийского (РВМР) **anipa* для ядовитой змеи. Термин для отдельного вида змеи, распространенный на австронезийском пространстве – **sawa* ‘питон’. Рефлексы этой протоформы зафиксированы от Филиппин через Борнео до Суматры и Явы (Blust, Trussel).

Р. Бласт считает питона «прототипической змеей» австронезийцев (Blust 2002); Дж. Чемберлен рассматривает термин **sawa* как отдельный этимон, однако допускает, что «с точки зрения семантики, “питон” сдвинулся вверх на биотаксономической лестнице и заменил слово “змея”» (Chamberlain 2019: 10). Сейчас *sawa* используется для обозначения питона в большинстве крупных языков Филиппин, Индонезии и Малайзии (тагалог, бикольский, себуано, малайский, яванский), в качестве общего термина для змеи в филиппинских языках ромбломанон, масбатеньо, бантуанон, акланон, якан и в ряде языков Индонезии (сималур, тоусеа, боано и др.) (https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_sl.htm#30776)³.

Тысячелетние связи с Индией сказались в широком использовании слова *naga* и его производных для мифологических (а в ряде языков Индокитая даже для реальных) змей как в австроазиатских, так и австронезийских языках практически на всей территории ЮВА, за исключением севера Филиппинского архипелага. В Индии, на родине индуизма, буддизма, шиваизма, *naga*, мифологическая змея-дракон, представляется в

первую очередь как кобра (Альбедиль 2012: 156, 162); змеем Васаки (Басаки в индонезийском), царь нагов – несомненно ядовитая кобра. Между тем в ЮВА, по крайней мере в ее австронезийской, островной части, это в основном питон. В словаре древнеяванского языка Зутмюлдера помимо австронезийских *ulā* змея и *ulā sawa* питон имеется уже и санскритский термин *nāga* II 1167:7 (Skt) «змея, змея-демон (живет в водах или под землей; считается, что у него человеческое лицо и тело змеи)» (Zoetmulder 1982). Использование санскритского корня *нага* вовсе не обязательно значит заимствование самого понятия. Заимствованные термины сплошь и рядом заменяют собственные в сферах, связанных с древнейшими автохтонными реалиями, представлениями и институтами. По пришествии новой религии старые духи получают новые названия. Так, распространенный общий термин для божества/духа в сказаниях горцев юга и центральных районов Филиппинского архипелага – *diwata*, от санскритского *devatā*, некоторые дивата имеют христианские имена (особенно часто встречаются Марии), но сами-то сказания и духи местные, австронезийские.

Основной интерес с точки зрения нашей задачи представляют наименее индианизированные коренные народы: даяки и батаки Борнео и Суматры соответственно (они же наиболее изученные), тораджи Сулавеси (Индонезия, Малайзия, Бруней) и филиппинские горцы, особенно *игороты* и *лумад* – анимисты Северного Лусона и Минданао. Даяки, батаки и тораджи близки по культуре к игоротам (Maramba 1998; Chotrani 2015); все они в недавнем прошлом – охотники за головами, у них есть общие черты социального устройства и системы верований. Близкие параллели обнаруживаются и в «змеиных» представлениях, однако эти общие черты, восходящие к протоавстронезийской или даже более ранней мифологии, лучше сохранившейся у неиндианизированных горцев Севера Филиппин, исследователи часто не замечают. Так, представления о змее, отраженные в традиционной архитектуре батаков, приписывают индийским влияниям (Waterson 1998: 95; Yulianto 2017). Между тем, например, батакский морской змей Нага Падоха, закованный в цепи героем, которого послал Батара Гуру (Шива) и вызывающий землетрясения, – лишь облаченный в индийские одежды хтонический змей, одна из древнейших мифологем, распространенная ЮВА едва ли не повсеместно. По мнению Е.В. Ревуненковой, скорее всего у батаков произошло слияние индуистского культа змеев с представлениями о змеях как о воплощении добрых и злых духов, широко распространенными у народов малайско-индонезийского региона, в том числе не подверженных индийскому влиянию (2010: 45, 287).

Тем ценнее для нашей темы фольклорные тексты игоротов Лусона – ифугао, яттука, ибалоев, калинга, бонтоков, тинггианов – в которых даже нет терминов *нага*, *дивата*, как нет и распространенной в фольклоре

других частей архипелага заимствованной титулатуры индо-мусульманского происхождения.

Заметим также, что в ряде филиппинских языков *paḡa* – современный рефлекс прамалайско-полинезийского (PMP) **naRah* для дерева *Pterocarpus indica* или более широкой категории близких по виду деревьев, известных в русском и других европейских языках как нарра: *páḡa* (тагальский, бикольский, хануноо, себуано, тирурай), в то время как в других австронезийских языках, включая филиппинские, рефлекс этого корня выглядят несколько иначе: *paḡá* (илоканский), *paḡa* (титурай, мангтарай, моту), *paḡah* (айта абеллан) и т.д. (https://www.trus-sel2.com/ACD/acd-s_n1.htm#30074). Там, где зоны распространения санскритского (для змеи/дракона) и австронезийского (для дерева) корней совпадают, например на юге Лусона в Биколе, народная этимология объединяет их значения: *paḡa* – вид дерева, красный сок которого называют драконовой кровью (Marcaida 2020: 364).

Змеинная повседневность

Во время полевой работы на Филиппинах (1994–2020) и в Камбодже (2015–2023) мне приходилось встречаться как со змеями, так и с нарративами о них. Змеи – древесные, наземные, водяные, морские, ядовитые и неядовитые, от карликовых до гигантских питонов – часть повседневности в странах ЮВА. Я прежде всего занимаюсь горскими коренными народами, однако мне также приходилось работать с прибрежными жителями (разные группы висайя) и с сама-баджао – кочевым народом, традиционно жившем в лодках, рыболовами, торговцами и ныряльщиками. Они не боятся морских змей. Хотя яд этих гадов более концентрирован, чем наземных (их добыча – рыбы – менее чувствительна к ядам), объем его меньше, и они не агрессивны, не нападают на человека.

Змей, конечно, больше в сельской местности, но и в городах они не редкость. Жители благополучных кварталов Манилы, имеющие собственные дома с небольшими садами, держат кошек не столько из любви к ним, сколько из соображений безопасности: «В прошлом году мои кошки загрызли ядовитую змею». Современные филиппинцы, как и другие народы ЮВА, охотятся на змей, едят их, используют змеиную кровь, желчь, мясо, кожу и кости как афродизиаки и амулеты, как ингредиенты лечебных снадобий и колдовских зелий, как материал для украшений; «змеиные мотивы» присутствуют в татуировке, традиционном ткачестве, резьбе по дереву и в других видах народного искусства.

Филиппинская змеинная фауна исключительно богата. Недавно опубликован ее свежий реестр с 147 картами распространения (Leviton et al. 2018). Четыре вида филиппинских змей принадлежат к самым опасным в мире.

Это прежде всего кобры. Длина некоторых достигает 5 метров; три филиппинских вида кобр плюются ослепляющим ядом на 3 метра. Далее идут ярко окрашенные древесные гремучие змеи-гадюки, коралловые змеи, морские змеи, живущие в соленой и пресной воде. По данным герпетологов и по медицинской статистике, самая опасная змея на архипелаге – филиппинская кобра (*Naja philippinensis*), большинство смертных случаев вызваны ею. В фольклоре и мифологии, тем не менее, господствует сетчатый питон (*Python reticulatus*, или *Malayopython reticulatus*).

Сетчатые питоны принадлежат к классу водяных, они могут заплывать далеко в море, переплывать с острова на остров. Первоначальная среда их обитания – леса и болота, изобиловавшие в ЮВА, зоне влажных тропических лесов экваториального пояса. По мере сведения дождевых лесов для подсечно-огневого земледелия и других нужд человека питон приспособился к жизни во вторичных лесах и на культивируемых полях. Восприятие питона как «земноводного» существа типично для филиппинской мифологии, например в висайском бестиарии есть змея *walo-walo* (восемь-восемь), считается, что она поочередно проводит восемь дней на суше и восемь в море (Scott 1994: 116). Биологические особенности прототипов мифологических существ не определяют их образы, однако учитываются в их символических характеристиках.

В австронезийской, островной части ЮВА, откуда сетчатый питон родом, его кожу используют в народной медицине и шаманских практиках, кое-где держат дома. Это востребованный товар мировой торговли. Индонезия и Малайзия – основные поставщики кожи дикого питона; Вьетнам – главный центр разведения сетчатых питонов в неволе; на Филиппинах продажа кожи питона с 1986 г. запрещена (Kasterine et al. 2012).

Змея как охотник, добыча и конкурент

Первая моя встреча с сетчатым питоном произошла в начале 9-месячной стационарной полевой работы (1994–1995) в Ифугао – одной из горных провинций Северного Лусона. В феврале 1995 г. я записывала в Анао и Хингьоне похоронный *худхуд* – эпическое сказание, исполняемое во время ночных бдений при покойнике. Тело умершей переносили из деревни в деревню; каждую ночь женщины, сидя на земле вокруг «стула мертвых» с телом покойницы, пели *худхуд ди нате* – сказание мертвого (ПМА 1994–2020). В одну из этих ночей в соседнем свайном доме возник переполюх: наверху заметались тени, мужчины кинулись туда, женщины тревожно переговаривались. Через некоторое время убитый питон метра три длиной был, ко всеобщему удовольствию, опущен на землю. Позже мы его съели.

Центральные Кордильеры, в которых живут *игороты* (горцы) Северного Лусона, заселены достаточно плотно. Тропические леса поредели за

последние сто лет и не образуют больше глухих непроходимых чащоб – поэтому питоны хоть и не вывелись, но имеют мало шансов вырасти в гигантов, охотящихся на человека. Однако в районе соседней горной цепи, Сьерра Мадре, такие еще есть. Все-таки недаром сетчатый питон – самая длинная и одна из трех самых массивных змей мировой фауны.

Антрополог Том Хэдланд, много лет работавший с агта, охотниками-собираателями района Паланан (северо-восток острова Лусон, Филиппины), в статье, написанной совместно с профессиональным герпетологом, приводит статистику нападений питонов на людей в Сьерра Мадре, включая смертельные случаи в результате нанесенных травм и даже случаи проглатывания детей и взрослых целиком⁴. Низкорослые грацильные агта по размерам не превышают животных, на которых нападают питоны (диких свиней, оленей). Авторы предполагают, что охотники и питоны издревле рассматривали друг друга как потенциальных жертв и конкурентов, поскольку охотились друг на друга и на одни и те же виды животных (Headland, Greeneb 2011).

Падре Альсина, автор одного из важнейших трудов по культуре архипелага, написанных в самом начале испанского завоевания, приводит подобные свидетельства: «Самая большая из них (змей. – *Авт.*) здесь зовется *sava*, хотя не ядовита и не убивает ядом, вырастает так, что проглатывает (что может быть убийственнее?) целиком кабана, оленя или человека, даже не ломая (жертве. – *Авт.*) костей, если ловит на лету». Альсина видел молодую самку питона, которую удалось убить и извлечь из нее годовалого кабана. Он подробно описывает устройство пасти с несколькими рядами зубов и приводит висайский фразеологизм для ситуации, из которой невозможно спастись, «как от питона» (*dawa dinagit sin sawa*) (Alcina 1668/2004: 166–169). Кобак и Гутьеррес, которые переиздали его работы в трех томах, с переводом (параллельные тексты на испанском и английском), поясняют в сноске, что питон, *sava*, *sawa*, может достигать 10 метров в длину и, по свидетельствам жителей острова Самар, охотится даже на водяных буйволов (180). В подтверждение дана ссылка на другие испанские источники. Альсина также передает содержание сказаний о питонах с острова Самар: в одной песне описывается, как питон проглотил ткачиху вместе с ее ткацким станком (169). Имеется в виду горизонтальный наспинный ткацкий станок, который одним концом крепился к поясу ткачихи, вторым – к неподвижной опоре; такой станок можно свернуть в рулон, однако и его длина достаточно велика.

Змея и человеческая телесность: обереги и неизгладимые знаки

Обереги: головные украшения, ожерелья, браслеты из хребта змеи

Согласно ранним источникам, самым известным и наиболее значимым украшением-оберегом в висайском регионе была *katagi*, «тяжелая золотая цепь, звенья которой сплетались так плотно, что она выглядела не как цепь, а скорее как так твердая извилистая золотая змея» (Scott 1994: 34). Золотые украшения, обилием которых славились доиспанские Филиппины, исчезли из бытования уже в раннеколониальные времена, однако «змеиные» украшения-обереги из других материалов не утратили своей важности по сей день.

В фондах МАЭ (Кунсткамера) РАН среди коллекций, привезенных автором из экспедиции 2008 г. к бонтокам (Северный Лусон), есть головное украшение из хребта змеи (МАЭ № 7398-8). Такое украшение или ожерелье из позвонков змеи традиционно считалось оберегом, защищающим от вредоносных духов, черной магии, отравления и удара молнии; женщины непременно надевали их, выходя из деревни. Пожилые женщины носят их и сегодня (рис. 1, 2).

Рис. 1. С доктором Лоренсом Ридом и Матакай (Иссо) Катай, вдовой его языкового помощника Пакуорана, в ее доме в деревне Гинаанг. Горная провинция, Филиппины. Фото племянницы Матакай. 2008

Рис. 2. Прохожие на улицах Бонтока, Горная провинция, Филиппины.
Фото М.В. Станюкович. 2008

Особо отметим связь змеи с прокреативной магией: по поверьям, украшение не только способствовало плодородию женщины, но и обеспечивало легкие роды (Rodgers 1985: 303, 335; Maramba 1998: 50). У этих же народов распространены подвески из крокодильих зубов, также имеющие магические функции, их носят мужчины: эта ипостась водного хтонического существа, смыкающаяся в мифологических представлениях других коренных народов Нусантары с женским существом – змеей-драконом (об этом чуть ниже), имеет на Филиппинах выраженные мужские, воинские, агрессивные свойства, в то время как змея здесь гендерно более амбивалентна.

Отдельно следует выделить *trabungko* – мифический чудодейственный камень, якобы добываемый из головы змеи и наделяющий его обладателя неуязвимостью и массой других магических свойств. Вопреки столь экзотическому происхождению, камень этот легко купить на базаре или в интернете. Трабунгко известен и под другими названиями: *tutya ng ahas* (змеиная жемчужина/змеиный драгоценный камень), лунный камень, *pampaswerte* (приносящий удачу). О чудодейственных свойствах его говорит Альсина и другие ранние испанские хронисты, упоминает У.Г. Скотт. На острове Бохоль записаны нарративы о том, что у

Франсиско Дагохой, руководителя крупнейшего антииспанского восстания XVIII в., наряду с прочими амулетами, полученными от сверхъестественных существ, был и “*trabungko*”, который в данном случае описывается как «святящаяся жемчужина, которая позволяет владельцу видеть в кромешной тьме внутри пещер» (Misa 1970: 94, цит. по Kelly 2021). Мода на фольклоризм побуждает использовать эти поверья, часто достаточно вольно. Дж. Медросо, кинематографист родом из окрестностей города Давао (о. Минданао), в 2019 г. снял фильм, в котором представляет трабунгко не как змеиный камень, а как гигантскую змею, а сам этот термин привязывает к названию своей деревни Тибунгко (Revita 2019). Художник Р. Вего из провинции Антике, о. Панай, рисует камень трабунгко, который «как звезда во лбу горит» не у змеи, а у ящерицы (From paintings to patadyong... 2021).

Змеиный мотив в татуировке, в орнаментации одежды и оружия

Основная функция змеи – апотропеическая. Изображение этого могучего существа, вытканное или вышитое на ткани, из которой сделана набедренная повязка, юбка, накидка, саван, как и описанное головное украшение из позвонков, оберегает живых от врагов, от порчи и т.д., а мертвых – от опасностей, подстерегающих душу в загробном мире. Изображение змеи на ножнах или рукоятке меча охраняет владельца, делает его оружие смертоносным для врагов. Татуировка в виде змеиной чешуи в определенном смысле превращает ее носителя в могучую змею и в эпического богатыря-оборотня.

У.Г. Скотт в книге «Барангай», написанной по материалам ранних испанских источников, отмечает, что у висайя, которые были столь обильно татуированы, что испанцы их называли *pintados* (раскрашенные), наколку в виде змеи и ящерицы надо было заслужить, проявив воинскую доблесть. Если же такую татуировку набивал себе человек, не отличившийся убийством или пленением врага, его презрительно именovali словом, обозначающим крупного черно-желтого варана, известного своей трусостью (Scott 1994: 20).

Змея в народной медицине

Змеи занимают почетное место в ряду афродизиаков наряду с плотью, кровью, гениталиями других животных, с *балутом* (утиные яйца с зародышами), моллюсками, насекомыми, наземными растениями и водорослями. Принципы наделения различных объектов свойствами афродизиаков в народной культуре различны – форма (ассоциация с репродуктивными органами), вкус (острые специи), консистенция, плодовитость (насекомые), сила. Змея подходит сюда по основополагающим параметрам: как сильное смертоносное животное, играющее большую роль в мифологии, как символ бессмертия (смена кожи), по ассоциации с мужским репродуктивным органом.

Змеиная кровь, как и кровь любого существа, сама по себе считается мощнейшей магической (а значит и целебной) субстанцией, несущей все свойства объекта, из которого извлечена. На Филиппинах гадание по внутренностям жертвенных животных, которое практиковалось раньше повсеместно и сохранилось до сих пор у коренных народов, основано в первую очередь на оценке наполненности желчного пузыря и вариантах его соположения с соседними органами. Общие принципы восприятия «змеиных материалов» едины и характерны, по-видимому, для всех культур, варьируя лишь в частности. Тем более это очевидно для островной ЮВА. Приведем таблицу из работы индонезийских исследователей, которые обращаются к народным верованиям с целью найти и протестировать снадобья и их действия научными методами.

**Использование питона для медицинских целей в Индонезии
(Zulkarnain, Sholikhah, Dewi et al 2021: 4)⁵**

Название вида	Местное наименование	Часть тела	Как использовать	Действие	Место/регион
<i>Python reticulatus</i>	Piton	Кожа	Масло на основе сушеной кожи наносится на пораженные участки тела	Лечит кожные болезни, потницу, ожоги, аллергию	Пайнан (Западная Суматра)
<i>Python reticulatus</i>	Piton	Мясо и кожа	Нет объяснений	Делает кожу гладкой, лечит ожоги, экземы, язвы, прыщи, удаляет черные пятна	Пасаман (Западная Суматра)
<i>Python reticulatus</i>	Piton	Желчный пузырь	Нет объяснений	Лечит разные болезни	Западный Калимантан
<i>Python reticulatus</i>	Sanca	1. Свежая кровь, желчный пузырь, костный мозг 2. Сушеный желчный пузырь	Перорально (пить). Пить/проглатить	Лечит кожные болезни, импотенцию, диабет, печень, плохое зрение, болезни сердца, астму, кровяное давление. Снижает уровень токсинов в теле и лечит астму	Большая Джакарта
–	Ular piton	Желчный пузырь	Съесть	Малярийная лихорадка	Западный Сулавеси
<i>Malayopython reticulatus</i>	Ular sawo	Желчный пузырь	Желчный пузырь смешать с небольшим количеством воды, выпить	Внутренняя лихорадка <Ощущение жара при нормальной температуре. – Ает.>	Риау (племя anak dalam) <кубу. – Ает.>

На Филиппинах мы наблюдаем очень близкую картину, что не удивительно ввиду общности, неспецифичности подобных представлений. Так, Падре Альсина еще в XVII в. отмечает со слов висайя «экскременты питона целебны» (Alcina 1668/2004: 180).

Змея в кругу семьи: змея-близнец, или *Alter ego*

Согласно ранним испанским письменным свидетельствам, филиппинцы считали змей посланниками предков либо собственно духами предков, которые приняли материальную змеиную форму, чтобы охранять потомков. Эти представления широко распространены в южном полушарии. В лучшем компендиуме ранних испанских источников сказано, что змеи-духи предков носили название *umalagad*, от основы *alagad*, «помощник», их воспринимали как охранителей, гарантов благополучия, вызывали во время земледельческих обрядов, именно им висайя в первую очередь приносили жертвы; считалось, что их присутствие необходимо во время морских путешествий, иногда в качестве таких охранителей на борт брали питонов (Scott 1994: 80–81). «В самом деле некоторые из них, говорят, рождались как змеиные близнецы, из той же утробы что и человек, которого они были призваны охранять» (81). Представление о том, что у человека может быть ‘близнец-змея’ (*kambal-ahas*), до сих пор существует у многих народов Филиппин. Считается, что человеческий младенец и его близнец-змея рождаются одновременно от одной матери, змеиный близнец неразлучен с младенцем, наделяет его/ее магическими силами и сам является гарантом здоровья, богатства, благополучия всей семьи. Наиболее полное описание этого поверья содержится в статье Е. Рудольфа, который приводит около тридцати случаев. Часть рассказов получена от информантов, утверждавших, что они сами имели близнеца-змею, часть – от членов их семей; рассмотрены и старые газетные публикации об аналогичных случаях. Фабула нарратива едина: вместе с ребенком рождается змея-близнец, семья в ужасе, однако повитуха или местный целитель объясняет, что змею трогать нельзя, она не повредит младенцу, а, напротив, наделит его даром целительства и принесет семье материальное благосостояние. Во всех описанных случаях семья христианская, часто родители – учителя. Если змею все-таки убивают вскоре после рождения, младенец немедленно умирает вслед за ней. Если же оба благополучно вырастают, человеческий близнец становится *tawak*, приобретает дар исцелять от змеиного яда. В рассказах всегда подчеркивается глубокая эмоциональная связь между близнецами. Если змею ранят или заставляют уйти (обычно другие члены семьи), человеческий близнец тяжело болеет, однако по выздоровлении сохраняет умение излечивать от укусов своей слюной, а также призывать змей на защиту в критической ситуации. Данные о таких нарративах собраны со всей территории архипелага, от юга до севера (Rudolph 1988: 45–77).

У.Г. Скотт приводит свидетельство Падре Альсины о том, что одна из его прихожанок родила близнецов, одним из которых был крокодил. Испуганные родители переезжали, чтобы избавиться от него, но подросток крокодил находил их и приносил им добычу – дикую свинью, оленя или крупную рыбу. Этот рассказ Альсина слышал непосредственно от родителей близнецов, «образцовых и потому достойных доверия христиан», и считал достоверным (Scott 1994: 115).

Характеристики и функции змеи (питона) и крокодила в мифологии очень близки, это могучие существа, связанные с землей и водой; представления о возможности существования близнеца-крокодила, если они и были распространены (других свидетельств пока не найдено), остались в прошлом, в отличие от поверий, связанных со змеей, которые демонстрируют устойчивость.

Пресмыкающийся близнец обеспечивает благополучие своего человеческого брата или сестры и всей семьи, ибо связан с духами предков.

Змея в ритуале и в повествовательном фольклоре

Оборотничество; змея, шаман и шаманские инструменты

Оборотничество и посредничество между людьми и духами часто связано с опасными животными местной фауны. В Европе оборотень превращается в волка, в Южной Азии, Индокитае, Индонезии, у аборигенов Малаккского полуострова шаман и герой превращаются в тигра или змею. Помимо Филиппин автор участвовал в экспедициях к бахнарическим народам Камбоджи (ПМА 2015–2023); в 2015 г. в числе опрошенных тампуанских шаманов был Сарыен, по всеобщему мнению, самый сильный шаман, который может превращаться в тигра. На Филиппинах же героический персонаж может стать крокодилом или питоном⁶.

Змеиная кожа используется для ритуальных музыкальных инструментов. Небольшие деревянные (ранее – глиняные) барабаны, обтянутые кожей питона или варана, распространенные в Камбодже, имеют обрядовое значение – первоначальное их употребление связано с музыкой *пхленг ареак*, которая исполняется специальными небольшими ансамблями во время медиумических обрядов (*ареак* ‘дух, призрак’) и представляет собой своеобразное «музыкальное приношение» призываемому духу. Исследователи ритуала и шаманства не-ханьских народов Южного Китая, относящихся к семьям, представленным в ЮВА, отмечают важность их контактов с дайцами (Dai), говорящими на тайском языке и живущими Бирме, Вьетнаме, Лаосе и Таиланде. Они знамениты ритуальными павлиньими танцами под звук барабанов с мембраной из кожи питона. Исследователи наскальных рисунков Южного Китая считают, что эти петроглифы отражают доземледельческие представления о том, что

шаман, впадая в транс во время танца, борется с враждебными духами с помощью духов буйвола и питона, с которыми он говорит на общем для всех трех сакральном языке (Dambricourt-Malassé et al. 2019).

Шаманки коренного народа манобо острова Минданао, Филиппины, вызывают дух старухи-питониhi, живущей в реке, в диагностических обрядах (Cruz-Lucero 1994).

Змея и дракон

В мифологии ЮВА водяная змея и дракон часто взаимозаменяемы. У некоторых народов континентальной части региона термин для дракона заимствован из китайского, например вьетнамск. *rong* от кит. *lung*. Однако гораздо шире, почти на всей территории ЮВА, для мифологических змей и драконов, даже для отчетливо признаваемых как китайские, используется санскритский термин *naḡa*. В замечательной книге «Птицаносорог и дракон» Б. Селлато отмечает, что китайский дракон – мужской символ, но на Борнео это определенно женское божество. Даяки нгаджу называют его «женственная Ята с золотой дверью». Она связана с землей, водой, особенно с первозданным океаном, с бурями и молнией. Богиня-дракон дает людям защиту в повседневной жизни, обеспечивает плодородие сельскохозяйственных культур и человека, охраняет мертвых, обеспечивает их переход из мира живых в мир мертвых. Ее изображают буквально на всех предметах, от кухонной утвари до надгробий, и особенно на символических и реальных лодках. Ибаны и барито изображают богиню как вытянутое змееподобное существо, с ногами или без, а в изображениях кеня упор делается на сильно закрученные спиралевидные рога, когти и хвост. Мотив часто сокращается до изображения головы: чудовищная морда с высунутым языком. Однако на повседневных предметах дракона изображают в скорченном положении и называют *aso*, собака (австронезийское слово), так как произносить имя богини опасно (Sellato 1992: 44). Цепочка переходящих один в другой образов змеи и собаки прослеживается и на юге Филиппин (Станюкович 2021; Stanyukovich 2023). Кайяны Борнео верят, что очень старые питоны и кобры превращаются в драконов, *langunan* (Sellato 1992: 44).

Мифологические существа, которые в современной популярной филиппинской литературе именуются драконами (Бакунава, Ибинган и др.), традиционно считались водяными змеями-питонами.

Специфика фольклорных жанров

Для целей данного исследования подходят не все виды фольклора. Лирические песни, любовная поэзия, паремии для нашей темы бесполезны. Например, идиомы, характеризующие человека «в животных терминах», носят в основном негативный характер. Это не специфично для

Филиппин. Здесь важны не столько свойства того или иного животного, сколько противопоставление человек – животное. Исследование тагальской фразеологии показывает лишь 8% позитивных коннотаций (Klimenko 2010). Идиомы со словом «змея» (а также собака, кошка и крокодил) используются для характеристики предателя (*ahas na tulog* – спящая змея, *ahas sa damo* – змея в траве и др.), бедняка (наряду с червяком, мышью, крысой) и, что особенно интересно, человека неопрятного, не убирающего за собой одежду (*parang ahas kung saan nagpalit ng balat dun lang iiwan* – как змея, где кожу сбросит, там и оставит) (10, 11, 19). Что касается идиом именно со словом «питон», они обозначают предателя в словосочетании «змея питон» (*ahas na sawa*), а отдельно – прилипалу, человека несамостоятельного, назойливо цепляющегося за кого-то (*parang sawa* – как питон) (Ibid 28). Очевидно, что все это очень далеко от традиционных мифологических представлений. Такова специфика фольклорных жанров: одни и те же образы, темы, сюжеты трактуются в разных жанрах фольклора одного народа по-разному.

Еще раз о питонах филиппинского эпоса и мифологии

На Филиппинах, где нет ни львов, ни тигров, ни волков-гиен-шакалов, самые грозные хищники, равно опасные в воде и на суше, – питон и крокодил, они же символы мужества и воинской доблести. У иболоев Северного Лусона есть танец биндиан, ритуал с тем же названием и эпический герой Биндиан, взявший в жены питоницу. Сейчас *биндиан* – название хоровода, исполняемого на празднествах Горной провинции Северного Лусона. Прежде это была победная пляска, часть обряда по случаю захвата головы врага (горцы Центральных Кордильер до середины XX в. сохраняли обычай охоты за головами, который когда-то практиковали все австронезийцы). Потом обряд и танец стали проводить в целительных целях, приурочивать его к сбору урожая, совершать для благосостояния и здоровья, в частности, пожилого пожилого члена семьи. Такой функциональный переход совершенно естественен: трофейная голова – вместилище маны, она приносит жизненную силу, плодородие. Близость кругового танца ибалоев и ритуального танца висайских шаманок, имитирующего движения питона, подтверждается совпадением его названия с именем ибалойского эпического героя.

Биндиан слышит голос, призывающий его спасти богиню Буган от жестокого Кабуниана, бога Небесного мира. В сражении Кабуниан отсекает Биндиану голову, голова падает в руки Буган и просит ее оживить себя. Буган соглашается при условии, что Биндиан поразит ее мечом; от этого удара богиня умирает, но тут же оживает. Кабуниан гонится за ними, посылая с неба огонь, камни, кипящую воду и пепел. Биндиан просит пощады, она дарована, но Буган исчезает и становится водопадом. Ползущая за героем питониха обращается в женщину, относит героя в пещеру. Биндиан женится на ней, но совершает жертвоприношения в надежде, что Буган когда-нибудь вернется (Busoy 1948, цит. по Manuel 1963: 26).

Эпические герои, превращающиеся в питона, и подобные персонажи встречаются и в сказаниях других горцев Кордильер, например итнегов (Ingel, Abaya 2015). К своему главному эпическому герою по имени Банна, который мог превращаться в питона и вручил свою змеиную кожу суженой в качестве свадебного подарка, современные калинга возводят происхождение змеино-го мотива в татуировку (Salvador-Amores 2013: 68).

Этимология имени Бакунава мифической морской змеи – согнутый питон: *ba(ŋ)kuq + *sawa* (Blust, Trussel). В сказаниях разных групп висайя эта змея выступает как поглотительница Луны, причина затмений; красивая девушка, в наказание за пожирание шести Лун превращенная в змею; иногда Бакунава представлена просто играющей с Луной, как с мячиком (Cabrega 2012: 12–13).

В эпосе биколов (юг о. Лусон) побежденная героем змея Ибинган, красная, огромная, ядовитая, также соединяет черты морской змеи и питона. На спине у нее плавник, она сторожит вход в пещеру, в которой живут водяные духи и морские девы, но непрошенных гостей убивает не ядом, а ударом хвоста (Espinosa 1996). Орьоль, обольстительная девушка-змея с чарующим голосом из того же бикольского эпоса, – тоже питон. Из противницы она превращается в соратницу и возлюбленную героя (Станюкович 2010).

Шаманский ритуал с обращением к женщине-питону зафиксирован у манобо, анимистов внутренних районов о. Минданао. По преданию, когда-то духи превратили в питона старую женщину, и в этом облики она с тех пор живет на реке (мотив «умершие превращаются в змей»). Шаманки обращаются к ней с ритуальными напевами, присутствующие отвечают им хором. После седьмой перемены дух старухи-питоники входит в шаманку, она впадает в транс и через нее питониха вступает с присутствующими в песенный диалог, определяя, например, причину болезни (Cruz-Lucero 1994).

Заключение

Под поздними индуистскими, буддийскими и христианскими напластованиями в ЮВА сохраняются древнейшие мифологические представления. На Филиппинах, в ее наименее индианизированной части, они сохранились лучше, особенно у коренных народов. Филиппинская мифологическая змея – в первую очередь питон, «австронезийская прототипическая змея», как ее определяют специалисты по исторической лингвистике. Именно питон несет функции символа и источника плодородия и бессмертия (возрождения). Как и его реальный прототип, сетчатый питон, относящийся к классу водяных питонов, связан с землей и водой. Мифологический питон связан с подводным и подземным миром, источником душ (души предков перерождаются в потомков) и богатств (в том

числе драгоценностей, которые змеей может стеречь в пещере), с миром умерших предков, которые, согласно поверьям, могут превращаться в змей, помогать шаманам, связывая их с духами предков, приходить к потомкам в физическом облике змеи. До наших дней сохранились поверья о змеях-близнецах обычных людей, которые несут охранительную функцию, обеспечивают здоровье и благосостояние семьи. Змея, в первую очередь питон, выступает как соперник, союзник, помощник и защитник в мире духов, источник целительной магии. Змеиная кровь, кожа, кости, внутренние органы считаются лекарственными средствами, обеспечивают плодородие, могут служить амулетами, защищающими от опасностей разного рода; ту же функцию несут изображения змеи в татуировке, ткачестве, резьбе по дереву и пр. В эпосе и мифологии австронезийских коренных народов мотивы змеборства сосуществуют с мотивами оборотничества, питон в женской или мужской ипостаси представлен как соратник, герой или возлюбленная/жена героя.

Представляется, что ослабление роли питона *sawa* в Юго-Восточной Азии связано именно с индианизацией, в ходе которой «местного» питона потеснила «пришлая» кобра – сначала в народных представлениях, а впоследствии – в интерпретациях исследователей, зачарованных ее санскритским именем *naga*.

Примечания

¹ Благодарю за ценные замечания Е.В. Ревуненкову, А.Г. Козинцева, А.К. Касаткину и членов ее открытого семинара по древнеяванскому языку С.Ю. Дмитренко, А.А. Зорина и М.В. Фролову. За все недочеты ответственность несет автор.

² Это не единственная, но наиболее распространенная теория происхождения и расселения австронезийских народов, см., например (Bellwood et al. 1995: 113).

³ Не путать с sawah, ‘рисовое поле’ в древнеяванском и современных малайском и яванских, это рефлекс другого этимона, *sabaq (https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#31341).

⁴ В индонезийских газетах встречаются извещения об аналогичных случаях, см. напр. (8-meter python 2018).

⁵ Мы приводим всю таблицу, кроме сносков на литературу, содержащихся в последнем столбце.

⁶ О шамане и тигре в Индонезии см. (Ревуненкова 1980: 117, 145; Фролова 2022: 45–46, 104, 107).

Список источников

ПМА 1994–2020 – Полевые материалы автора по Филиппинам.

ПМА 2015–2023 – Полевые материалы автора по Камбодже.

Альбедиль М.Ф. Змея в индийской традиционной культуре: совпадение противоположностей // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 152–164.

Опись коллекции МАЭ № 7398. Время поступления: 2008 г. Собиратель: Станюкович Мария Владимировна. Время сбора: февраль–март 2008 г. Народ: бонтоки. Местность: Филиппины (Муниципалитет Бонток, остров Лусон). Состав коллекции: Предметы быта и культа. Кол-во №№: 37 (тридцать семь) номеров, количество предметов

- коллекции: 54 (пятьдесят четыре) единицы хранения. МАЭ № 7398-8. Головное украшение из скелета змеи. С. 8.
- Ревуненкова Е.В. Народы Малайзии и западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М.: Наука, 1980.
- Ревуненкова Е.В. Индонезия и Малайзия – перекресток культур: сборник статей / под ред. М.В. Станюкович, А.К. Касаткиной. СПб.: МАЭ РАН, 2010. (Маклаевский сборник. Вып. 2)
- Станюкович М.В. Филиппинский эпос и связанные с ним искусственные конструкции // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 156–164.
- Станюкович М.В. Собака в культуре филиппинцев и других австронезийцев: этнография, лингвистика, мифология, ритуал // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 27–52.
- Старостина А.Б. К вопросу о происхождении легенд о Мелюзине и Белой змее // Шаги/Steps. 2023. Т. 9, № 3. С. 87–107.
- Теселкин А.С. Древнеяванский язык (кави). М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Фролова М.В. Фольклор индонезийских островов: архаика и современность. М.: Ключ-С, 2022.
- 8-meter python 2018 – 8-meter python slain after swallowing woman in Southeast Sulawesi // The Jakarta Post. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/06/16/8-meter-python-slain-after-swallowing-woman-in-southeast-sulawesi.html> (дата обращения: 14.02.2024).
- Alcina I.F., S.J. Historia de las islas e indios de Bisayas... 1668. History of the Bisayan people in the Philippine Islands. Evangelization and culture at the contact period / transl., ed. and annotated by C.J. Kobak, O.F.M., L. Gutiérrez, O.P. Pt. 1, B. 2, vol. II. Manila: UST, 2004.
- Bellwood P., Fox J.J., Trion D. (eds.) The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives. Canberra: Research school of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1995.
- Blust R. The History of Faunal Terms in Austronesian Languages // Oceanic Linguistics. 2002. Vol. 41, No. 1. P. 89–139.
- Blust R., Trussel S. Austronesian Comparative Dictionary. URL: https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#30776 (дата обращения: 26.02.2024).
- Busoy M. Notes on the Literature of the Ibaloy. Ibaloy text with a line by line English translation in verse. MS, 102 l., 1948.
- Cabrera J.R. Eclipse: The story behind the Bakunawa myth // Philippine Journal of Astronomy. 2012. Vol. 5 (1). P. 12–13.
- Chamberlain J. The word for ‘snake’ in Thëmarou, Bolyu, Bit, Kra, Jiamao, and Oceanic: A Lapita Connection? // Journal of Research Institute. Kobe City Univ. of Foreign Studies. Vol. 60. Topics in Middle Mekong Linguistics. 2019. P. 1–38.
- Chotrani C.C. Discuss the function of personal ornaments of the head hunting tribes of Northern Luzon, Philippines. Southeast Asian Module – Post Graduate Diploma in Asian Art. School of Oriental and African Studies. University of London, 2015.
- Churchill M.H. Indian Penetration of Pre-Spanish Philippines: A New Look at the Evidence // Asian Studies 1977. Vol. 15. P. 21–45.
- Cruz-Lucero R. Livunganen-Arumanen Manobo // CCP Encyclopedia of Philippine Art. Digital Edition. 1994. Upd. by L.J.I.R. Sonido (2018) and G.A. Campoamor II (2021). URL: <https://www.yodisphere.com/2022/09/Livunganen-Arumanen-Manobo-Tribe-Culture.html>
- Dambricourt-Malassé A., Bo Cao, Qian Sheng You, Pu Zhang. Agro-pastoral rituals and shaman dances of Dahongyan rock painting, Guizhou, Southwestern China, new investigations // Quaternary International. 2019. Vol. 507. P. 43–52.
- Espinás B.M. Ibalong. The Bikol Folk epic fragment. Manila: University of Santa Tomas Publishing House, 1996.
- Francisco J. The Philippines and India: essays in ancient cultural relations. Manila: National Book Store, 1971.

- From paintings to patadyong: The rich cultural tapestry of Antique then and now Lito B. Zulueta | 2021. URL: <https://news2.abs-cbn.com/ancx/culture/art/10/17/21/the-rich-cultural-tapestry-of-antique-then-and-now>
- Headland T.N., Greeneb H.W. Hunter-gatherers and other primates as prey, predators, and competitors of snakes // Proceedings of the Nat. Acad. of Sci. of the USA. December 27, 2011. Vol. 108, No. 52. P. E1470–E1474.
- Ingel M.L.L., Abaya E.C. Cultural scenarios in the Itneg-Iloko Sung Narratives of Tata Lucio // AghamTao. 2015. Vol. 24. P. 1–21.
- Jocano F.L. Filipino Prehistory: Rediscovering Precolonial Heritage. Quezon City: Punlad Research House, Inc., 2001.
- Kasterine A., Arbeid R., Caillabet O., Natusch D. The Trade in South-East Asian Python Skins. International Trade Centre. 2012. Geneva.
- Kelly P. Notes on the Philippines. URL: https://www.academia.edu/8970640/2021_Notes_on_the_Philippines (дата обращения: 14.06.2024).
- Klimenko S.B. Speaking about Humans in Animal Terms: Animal Metaphors in Tagalog. Lingg270 Ethnolinguistics Term Paper. University of the Philippines, Diliman. 2010 (MS).
- Leviton A.E., Siler C.D., Weinell J.L., Brown R.M. Synopsis of the Snakes of the Philippines. A Synthesis of Data from Biodiversity Repositories, Field Studies, and the Literature // Proceedings of the California Academy of Sciences. Series 4. 2018. Vol. 64, No. 14. P. 399–568.
- Manuel E.A. A Survey of Philippine Folk Epics // Asian Folklore Studies. Nanzan Univ. 1963. Vol. 22. P. 1–76.
- Maramba R. Form and Splendor: Personal Adornment of Northern Luzon Ethnic Groups, Philippines. Exhibition Catalog. Manila: Metropolitan Museum, 1998.
- Marcaida D. Jr. Bicol Dictionary in English. LAP Lambert Academic Publishing, 2020.
- Misa S.N. The life and struggle of Francisco Dagohoy: A historical and cultural heritage to the Filipino people, University of Bohol, Tagbilaran. Thesis MS, 1970.
- Orlina R. Epigraphical evidence for the cult of Mahāpratisarā in the Philippines // Journal of the International Association of Buddhist Studies (JIABS). 2012 (2013). Vol. 35, No. 1–2. P. 159–169.
- Revita J.C. Trabungko myth inspires film. Dec 01, 2019. URL: <https://www.sunstar.com.ph/davao/local-news/trabungko-myth-inspires-film>
- Rodgers S. Power and Gold: Jewelry from Indonesia, Malaysia, and the Philippines. Geneva: The Barbier-Mueller Museum, 1995.
- Rudolph E. The snake-twins of the Philippines: observations on the alter-ego complex // Philippine Quarterly of Culture and Society. March 1988. Vol. 16, No. 1. P. 45–77.
- Salvador-Amores A.V. Tapping ink, tattooing identities. Tradition and modernity in contemporary Kalinga society, North Luzon, Philippines. Univ. of the Philippines Press, Diliman, Quezon City; Cordillera Studies Centre, Univ. of the Philippines, Baguio, 2013.
- Scott W.H. Barangay. Sixteenth-Century Philippine Culture and Society. Quezon City: Ateneo de Manila Univ. Press, 1994.
- Sellato B. Hornbill and Dragon: Arts and Culture of Borneo. Sun Tree Publishing, S'pore (second edition). 1992.
- Stanyukovich M.V. Dog in Philippine life, ritual and creation myths: in a spirit of hunting // Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective. Archaeopress, 2023. P. 418–433.
- Waterson R. The Living House: An Anthropology of Architecture in South East Asia. New York: Whitney Library of Design Press, 1998.
- URL: https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#31341
- Yulianto Y. The Evolution of Shape and Meaning in Vernacular Architecture: A Case Study of Gorga Woodcarving Motifs in Toba Batak Houses // Conf. Proc. of 2nd Intern. Nusantara Cultural Heritage Symposium. 2017.
- Zoetmulder P. Old Javanese-English Dictionary. 1982. URL: <http://sealang.net/ojed/>
- Zulkarnain Z., Sholikhah I.Y.M., Dewi T.F. Efficacy and safety in consuming python bile: a literature study // 2021 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 637 012019. 9 p.

References

- 8-meter python 2018 – 8-meter python slain after swallowing woman in Southeast Sulawesi. *The Jakarta Post*. Available at: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/06/16/8-meter-python-slain-after-swallowing-woman-in-southeast-sulawesi.html> (Accessed 14 February 2024).
- Albedil M.F. (2012) Zmeia v indijskoy traditsionnoy kul'ture: sovpadeniye protivopozhnostey [Snake in Indian traditional culture: coincidence of opposites]. In: *Bestiariy II. Zoomorfizmy Azii: dvizheniye vo vremeni* [Bestiary II. Asian zoomorphisms: movement in time]. St. Petersburg, MAE RAS. pp. 152–164.
- Alcina I.F., S.J. (1668/2004) *Historia de las islas e indios de Bisayas... 1668. History of the Bisayan people in the Philippine Islands. Evangelization and culture at the contact period*. Transl., ed and annot. by C.J. Kobak, O.F.M., and L. Gutiérrez, O.P. Pt 1, B. 2, vol. II. Manila: UST.
- Bellwood et al. (1995) *The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives*. Ed. by Peter Bellwood, James J. Fox, and Darrel Trion. Canberra: Research school of Pacific and Asian Studies, Australian National University.
- Blust R. (2002) The History of Faunal Terms in Austronesian Languages. *Oceanic Linguistics*, vol. 41, no. 1, pp. 89–139.
- Blust R., Trussel S. *Austronesian Comparative Dictionary*. Available at: https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#30776 (data obrashcheniia: 26.02.2024).
- Busoy M. (1948) *Notes on the Literature of the Ibalays. Ibaloy text with a line by line English translation in verse*. MS, 102 l.
- Cabrera J.R. (2012) Eclipse: The story behind the Bakunawa myth. *Philippine Journal of Astronomy*, vol. 5 (1), pp. 12–13.
- Chamberlain J. (2019) The word for 'snake' in Thémároú, Bolyu, Bit, Kra, Jiamao, and Oceanic: A Lapita Connection? *Journal of Research Institute*. Kobe City Univ. of Foreign Studies. Vol. 60. Topics in Middle Mekong Linguistics. pp. 1–38.
- Chotrani C. C. (2015) Discuss the function of personal ornaments of the head hunting tribes of Northern Luzon, Philippines. Southeast Asian Module. Post Grad. Diploma in Asian Art. School of Oriental and African Studies, Univ. of London.
- Churchill M. H. (1977) Indian Penetration of Pre-Spanish Philippines: A New Look at the Evidence. *Asian Studies*, vol. 15, pp. 21–45.
- Cruz-Lucero R. (1994) Livunganen-Arumanen Manobo. *CCP Encyclopedia of Philippine Art*. Digital Edition. Upd. by L. J.I.R. Sonido (2018) and G. A. Campoamor II (2021). Available at: <https://www.yodisphere.com/2022/09/Livunganen-Arumanen-Manobo-Tribe-Culture.html>
- Dambricourt-Malassé A., Bo Cao, Qian Sheng You, Pu Zhang (2019) Agro-pastoral rituals and shaman dances of Dahongyan rock painting, Guizhou, Southwestern China, new investigations. *Quaternary international*, vol. 507, pp. 43–52.
- Espinas B.M. (1996) Ibalong. The Bikol Folk epic fragment. UST, Manila.
- Francisco J. (1971) *The Philippines and India: essays in ancient cultural relations*. Manila. Nat. Book Store.
- Frolova M. (2022) *Folklor indonezijskikh ostrovov: arkhaika i sovremennost'* [Folk-lore of the islands of Indonesia: archaic and modern]. Klyuch-C. Moscow.
- From paintings to patadyong: The rich cultural tapestry of Antique then and now* Lito B. Zulueta. 2021. Available at: <https://news2.abs-cbn.com/ancx/culture/art/10/17/21/the-rich-cultural-tapestry-of-antique-then-and-now>
- Headland T.N., Greenb H.W. (2011) Hunter-gatherers and other primates as prey, predators, and competitors of snakes. *Proceedings of the Nat. Acad. of Sci. of the USA*, vol. 108, no. 52, pp. E1470–E1474.
- Ingel M.L.I., Abaya E.C. (2015) Cultural scenarios in the Itneg-Iloko Sung Narratives of Tata Lucio. *AghamTao*, vol. 24, pp. 1–21.
- Inventory of the MAE collection № 7398. Date of receipt: 2008. Collector: Maria Vladimirovna Stanyukovich. Collection time: February–March 2008. People: Bontoc. Locality:

- Philippines (Bontoc Municipality, Luzon Island). Collection composition: Household and religious items. Number of №№: 37 (thirty-seven) numbers, number of collection items: 54 (fifty-four) storage units. MAE № 7398-8. P. 8.
- Jocano F.L. (2001). *Filipino Prehistory: Rediscovering Precolonial Heritage*. Quezon City: Punlad Research House, Inc. 2001.
- Kasterine A., Arbeid R., Caillabet O., Natusch D. (2012) *The Trade in South-East Asian Python Skins*. International Trade Centre. Geneva.
- Kelly P. *Notes on the Philippines*. Available at: https://www.academia.edu/8970640/2021_Notes_on_the_Philippines (Accessed 14 June 2024).
- Klimenko S.B. (2010) Speaking about Humans in Animal Terms: Animal Metaphors in Tagalog. Lingg270 Ethnolinguistics Term Paper. University of the Philippines, Diliman. 2010 (MS).
- Leviton A.E., Siler C.D., Weinell J.L., Brown R.M. (2018) Synopsis of the Snakes of the Philippines. A Synthesis of Data from Biodiversity Repositories, Field Studies, and the Literature. *Proceedings of the Calif. Acad. of Sci.*, ser. 4, vol. 64, no. 14, pp. 399–568.
- Manuel E.A. (1963) A Survey of Philippine Folk Epics. *Asian Folklore Studies*. Nanzan Univ. Vol. 22. pp. 1–76.
- Maramba R. (1998) *Form and Splendor: Personal Adornment of Northern Luzon Ethnic Groups, Philippines*. Exhibition Catalog. Metropolitan Museum, Manila.
- Marcaida D.Jr. (2020) *Bicol Dictionary in English*. LAP Lambert Academic Publishing.
- Misa S.N. (1970). The life and struggle of Francisco Dagohoy: A historical and cultural heritage to the Filipino people. University of Bohol, Tagbilaran. Thesis MS.
- Orlina R. (2012-13) Epigraphical evidence for the cult of Mahāpratisarā in the Philippines. *Journ. of the Internat. Assoc. of Buddhist Studies (JIABS)*, vol. 35, no. 1–2, pp. 159–169.
- PMA 1994–2020 – The author's field materials on the Philippines.
- PMA 2015–2023 – The author's field materials on Cambodia.
- Revita J.C. (2019) *Trabungko myth inspires film*. Dec 01. Available at: <https://www.sunstar.com.ph/davao/local-news/trabungko-myth-inspires-film>
- Revunenkov E.V. (1980). *Narody Malayzii i zapodnoy Indonezii (nekotoryye aspekty dukhovnoy kul'tury)* [The peoples of Malaysia and Western Indonesia (Some aspects of spiritual culture)]. Moscow: Nauka.
- Revunenkov E.V. (2010). *Indoneziia i Malayziya – perekriostok kultur* [Indonesia and Malaysia – Crossroads of Cultures]. Collection of papers. Ed. by M.V. Stanyukovich and A. K. Kasatkina. (Maklay Publications. Issue 2). St. Petersburg, MAE RAS.
- Rodgers S. (1995) *Power and Gold: Jewelry from Indonesia, Malaysia, and the Philippines*. The Barbier-Mueller Museum. Geneva.
- Rudolph E. (1988). The snake-twins of the Philippines: observations on the alter-ego complex. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, vol. 16, no. 1. Univ. of San Carlos Publ., Cebu, Philippines. pp. 45–77.
- Salvador-Amores A.V. (2013) *Tapping ink, tattooing identities. Tradition and modernity in contemporary Kalinga society, North Luzon, Philippines*. Univ. of the Philippines Press, Diliman, Quezon City; Cordillera Studies Centre, Univ. of the Philippines, Baguio.
- Scott W.H. (1994) *Barangay. Sixteenth-Century Philippine Culture and Society*. Quezon City: Ateneo de Manila Univ. Press.
- Sellato B. (1992). *Hornbill and Dragon: Arts and Culture of Borneo*. Sun Tree Publishing, S'pore (second edition).
- Stanyukovich M.V. (2010) Filippinskiy epos i sviazannyye s nim iskustvenniye konstruktssii [Philippine epics and artificial constructions linked to it]. *“Kalevala” v kontexte regional'noy i mirovoy kul'tury* [“Kalevala” in the context of regional and world culture]. Petrozavodsk. pp. 156–164.
- Stanyukovich M.V. (2021) Sobaka v kul'ture filippintsev i drugikh avstroneziitsev: Etnografiia, lingvistika, mifologiya, ritual [Dog in the culture of the Filipinos and other Austronesians: Ethnography, linguistics, mythology, ritual]. *Etnografiia*, no. 3 (13), pp. 27–52.

- Stanyukovich M.V. (2023) Dog in Philippine life, ritual and creation myths: in a spirit of hunting. *Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. I. Fiore, F. Lugli (Eds.) Archaeopress. pp. 418–433.
- Starostina A.B. (2023). К вопросу о происхождении легенд о Melyuzine i Beloi zmeye [On the question of the origin of legends about Melusine and Madame White Snake]. *Shagi/Steps*, no. 9 (3), pp. 87–107.
- Tesyolkin A.S. (1963). *Drevneyavanskiy yazyk (kavi)* [Old Javanese language (Kavi)]. Moscow, Izd. Vost. Lit.
- Waterson R. (1998) *The Living House: An Anthropology of Architecture in South East Asia*. Whitney Library of Design Press. New York.
- Yulianto Y. (2017) The Evolution of Shape and Meaning in Vernacular Architecture: A Case Study of Gorga Woodcarving Motifs in Toba Batak Houses. *Conf. Proc. of 2nd Intern. Nusantara Cultural Heritage Symposium*.
- Zoetmulder P. (1982) *Old Javanese-English Dictionary*. Available at: <http://sealang.net/ojed/>
- Zulkarnain Z., Sholikhah I.Y.M., Dewi T.F. (2021). Efficacy and safety in consuming python bile: a literature study. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 637 012019, 9 p.

Сведения об авторе:

СТАНЮКОВИЧ Мария Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Австралии, Океании и Индонезии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mstan@kunstkamera.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Stanyukovich, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mstan@kunstkamera.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 20 июня 2024;
принята к публикации 28 августа 2024.*

*The article was submitted 20.06.2024;
accepted for publication 28.08.2024.*